

Бурлаков Геннадий

Цикл "Отшельники"

Том 1

Святой и грешный

Серия романов

"Архипелаг Монте Кристи"

Геннадий Бурлаков

**Святой и грешный. Цикл
«Отшельники». Том 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бурлаков Г. А.

Святой и грешный. Цикл «Отшельники». Том 1 /
Г. А. Бурлаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Представьте ситуацию, что исчезла вся старая галактическая цивилизация и хочется воссоздать её заново или создать новую по своему образу и разумению? Как стать её создателем и не стать богом? Или стать им? Как преодолеть соблазны или не преодолевать их? А если есть в наличии средства и возможности, ненависть и любовь, стремления и нет тормозов для новых приключений? На ваше обозрение вариант монашеского матриархата. Продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Обращение к читателю:	5
Вступление	6
000. Предисловие	7
001. Первое знакомство	9
002. ПредСкрипту	12
003. Начало истории	14
004. Первая ночь	17
005. Наместник	19
006. Служба	24
007. Первая добыча	27
008. История монахинь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Обращение к читателю:

Предлагаю Вашему вниманию серию романов «Архипелаг Монте Кристи»:

I. Трилогия «Материализация легенды»:

1. Островитянка.
2. Отряд.
3. Гвардия Принцессы.

II. Цикл романов «Постскриптум легенды»:

1. Легенды далёкого Острова.

III. Цикл романов «Отшельники»:

1. Святой и грешный.

Циклы «Постскриптум легенды» и «Отшельники» только в самом начале! Жду развития сюжета у меня в голове.

А серия романов «Архипелаг Монте Кристи» продолжается!

Лично я не теряю надежды на продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи». Каждый раз здесь появляется новый сюжет...

Использованы фото из личного архива. (Примечание автора)

Вступление

Рождён не для стяжательства и злата,
И не для новых золотых цепей,
Не вижу счастья в старом я булате,
Не хочется чужих картин, вещей...

Я по карманам во дворах не шарю,
По сумкам, кошелькам не ворошу...
Хочу найти старинную я саблю,
Пистоль пиратский – у богов прошу...

Хочу корабль под пиратским стягом
На рейд поставить обывателям на зло,
Трактирщику в глаза тяжёлым взглядом
Смотреть, как на корму или весло...

Мне дорог будет бред пьяной девицы,
Наслушавшейся пьяного матроса,
И радостен взмах крыльев хищной птицы,
И сапоги, которым нет износа...

Воюю я не ради денег или славы,
Да и пиратом стал бы я не для богатства,
Мне не хватает шума той дубравы,
Где мог бы я вкусить с друзьями яства.

Мне не хватает долгих путешествий,
И не хватает сильных ветров воя,
Сражений скоротечных, крестных шествий,
Просторов бесконечных за спиною...

К красавицам душевного горения,
Лихих коней, – летят во весь оплот...
И потому я, в жажде приключений,
Стал не простой, а экстремальный! Вот!

2015

000. Предисловие

Господи, как же они мне все надоели! НАДОЕЛИ! ОПРОТИВЕЛИ! ДОСТАЛИ!

Они ходят по космической станции друг к другу в гости из каюты в каюту, прогуливаются по прогулочным палубам под ручку, зовут любоваться звёздами, тормозят тебя, дёргают, рассказывают старые «бородатые» анекдоты и толпой над ними смеются...

А мне хотелось покоя! И одиночества.

Отгородиться и посидеть несколько дней в каюте или в любом уголке корабля просто невозможно: начинаются звонки по индивидуальным каналам связи, объявления по общекорабельным средствам оповещения, вопросы типа что случилось, удивления, сочувствия, предложения, увещевания... И опять: КАК ОНИ МНЕ ВСЕ НАДОЕЛИ! Конечно, сначала грусть-тоска съела, что моя семья отказалась со мной следовать по звёздным дорогам и путям, но потом пришло моё обычное состояние, когда мне никто не нужен. Это всегда спасало меня от меланхолии и тоски по дому и родным. Денег им, видите ли, заработанным мной, хватит на две жизни!... Ну и живите свои две жизни, а я посмотрю, как это у вас получится без эликсира! Думаю, что я и при жизни не был им так уж нужен, – только деньги.

Вот я и сбежал от всех со станции. Как – это пусть догадаются. Прихватил кое-что из оборудования, дронов – военных и рабочих, – пищевой аппарат, там, кое-что по мелочам в масштабах Реи. Мелочи, – но разгружали мои дроны по прибытии достаточно долго.

Выключил все пеленгаторы, – простые и пространственно-временные. Только оставил включёнными индикаторы вызова и оповещение по срочной связи, – тоже пространственно-временные. Этим пока никто не злоупотреблял.

И начал свою робинзонаду! Ура! Я отшельник! Добровольно и самостоятельно.

Вот сижу я на берегу и удивляюсь, что столько времени не смотрел на природу невооружённым глазом. На море, небо, луну... Кстати, на этой планете их даже несколько – прямо красота! Вот такое зрелище я увидел как-то на днях, и даже решил его увековечить в своих записях. КРА-СО-ТА!!! Потом узнал, что это стечение лун – редчайшее событие. И как-то я и не думал, что можно вот так просто устроиться и смотреть-смотреть-смотреть не отрываясь и думать не о чем. Аппарат выдаёт по моему требованию различные напитки, дроны их доставляют, закусочку под это дело доставляют...

Ну и остров обследовал досконально. Остров вулканического типа, затерянный в необозримых просторах океана я нашёл во время сканирования пространства этой звезды и планеты просто от нечего делать ещё на корабле. Он стоял в стороне от всех – торговых и почтовых – путей, был не интересен для поселенцев, т. к. тут была вулканическая почва, совершенно не пригодная для земледелия. Здесь было не выгодно устраивать стоянки кораблей и транспортов, т. к. они были далеко от людских поселений. Даже следов высадки тут людей я не нашёл. Таким образом, мне он как раз очень подходил. С помощью дронов я его оборудовал для своих целей. Пройдут века, пока люди обследуют и обживут океан до такой степени, чтобы заинтересоваться этим никчёмным клочком суши. Если он, конечно не исчезнет к тому времени в пучинах океана после очередного извержения. Растительность тропического типа не только на острове, но и подводой! Это просто сказка! Правда, живности на острове кроме нескольких видов птиц, не было, – но это дело со временем поправим. Хорошо, что и грызунов нет!

Я ОДИН! Я ОТШЕЛЬНИК! РО-БИ-НЗОН! У-РА!

Классно жил этот Робинзон. А если ещё его Пятница развлекал? Или развлекала?... Хорошо бы сюда несколько Пятниц в юбках... Ещё лучше в пальмовых листьях!...

На экране коммуникатора, который невозможно отследить во времени и пространстве, однажды появилось послание: **«Встречаемся на Архипелаге Монте Кристи на 25-й день рождения Кристины. Есть интересное совместное дело.»** И всё! Больше ни слова. Учтывая, что из любой точки космоса и из любого времени можно выйти туда, где тебе надо, – тоже в любую точку времени и пространства, – то можно не торопиться. Можно столетия развлекаться или работать на какой-то планете миллиарды лет назад или сотни тысяч лет вперёд от назначенного времени randevу, но выйти точно или с погрешностью в несколько секунд и сразу принять участие в празднике или битве. И всегда вовремя. Вот в школу бы так было в прошлом ходить, – цены бы не было таким перемещениям.

001. Первое знакомство

– Мужик, ты не прав! – любимое по ходу выражение этого заведения. Мужик не прав когда пьёт, когда не пьёт, когда дерётся и не дерётся, когда говорит или молчит, ну, и т. д. Обязательно найдётся критик, который скажет, что «это был мой бифштекс» и «повеселимся, ребята».

Вот и теперь, похоже, ситуация продолжилась. Или повторилась.

Я сидел за столиком один и не хотел никого видеть. Музыкальный аппарат играл что-то танцевальное, медленное. Корабль был готов к отплытию, но я не видел пока на нем никого, кто бы мог стать его командой. Моей командой. А болтаться в море просто ради того, чтобы болтаться в море, не интересно. Ни интересного груза, ни занятия, ни компании, ни алых парусов не было. И потому... Словом, мне нужна команда на корабль, – пиратский или торговый, военный или флибустьерский, – я ещё не решил.

– Мужик, я допью твоё пойло, – протянул руку к моему столу какой-то пьяный одноглазый бородач. Даже не спросил разрешения, – просто произнёс вслух свои неоспоримые намерения. Позволить выпить своё пойло, – это почти признать себя подстилкой под задницей проститутки в дешёвом борделе. Практически пылью, грязью под ногами. Пришлось слегка стукнуть по бицепсу протянутой руки, и его рука повисла плетью. Внимание заинтересованных по сторонам усилилось с нецензурным рёвом боли одноглазого. – Сука! Он мне руку сломал!

Ну, не сломал, конечно, но на несколько дней ему придётся тянуться к стакану или тарелке левой рукой. Сам виноват. За соседними столиками обернулись различные личности, готовые включить форсаж как в мою сторону, так и к дверям этого дешёвого салуна.

Я пытался найти себе команду и на верфи, и на площади у городской ратуши, и в молевых домах. От меня шарахались все, кто слышал мой голос. Видимо мой разговорный язык был слишком примечателен своим выговором, и на столько отличался от общепринятого наречия, что вызывал отторжение. Потому я стал шляться по местным барам и тавернам, присматриваться к окружающим и стараться притереться в произношении слов и выражений у местных аборигенов.

– Пошёл вон отсюда, – громко ответил я бородачому, однако это вызвало какое-то недовольство сидящих за столиком. Они уже поставили свои кружки и стаканы и с нетерпением ждали развития событий. Но я был ещё не на столько пьян, чтобы не контролировать ситуацию. К тому же я сам хотел «развлечься». – Я тебя не приглашал к столу.

– А меня никто не вправе пригласить или не пригласить, – заревел здоровяк. – Я сам сажусь туда, где мне приглянулось. И мне насрать, нравится это кому-то или не нравится.

– Видимо, мне придётся поучить тебя правилам поведения в обществе, – ухмыльнулся я ему в лицо. Тот стоял передо мной, держа левой рукой правый локоть, который не хотел его слушаться. Я же сказал, что это продлится до недели, – вот и продлится. – А за одно и проучить тебя как следует. Чтоб ко мне за столик уже никогда не садился.

Здоровяк ухмыльнулся и всем весом грохнулся на табурет около моего стола. Типа занять место. Но я отреагировал быстрее, – и выбил табурет перед самой его задницей, когда она уже разогналась в своём движении до максимума. Табурет ударился о соседний стол и на нем от удара зазвенели кружки. А мой страстный оппонент со всей силой грохнулся об пол и выпучил на меня глаза.

– Но если ты планировал лезть под стол и лизать мне сапоги, – продолжил я, – То я извиню тебя и разрешу обработать мои сапоги и пол под моим столом этим языком.

Рёв разъярённого медведя был бы ласковой пастушьей песней, если бы можно было сравнить с ним то, что извергло горло здоровяка. Он схватил здоровой рукой другой табурет за ножку и кинул его в меня. Проманулся!... Табурет отлетел мне за спину и скинул с пары

столиков стоящие там напитки. К тому же зацепил несколько сидевших за столиками завсегдатаев. Они поднялись. В их глазах горел огонь мщения и желания размяться от длительного сидения за столом. Надо предоставить им такую возможность.

Я заметил, что в это время к моему столику посреди бара от дверей салуна направилась высокая фигура в длинном чёрном одеянии и капюшоне, сильно закрывающем лицо. Монах? Фигура по дороге остановилась перед бородатым и пнула его носком обуви.

– Что, Билли, наконец-то тебя свалили с ног? Давай и мои сапоги оближешь до блеска.

Это стало последней каплей, перевесившей терпение и Билли, и публики. С воем и криками мужики различной «конструкции и покрытия» рванулись к нам, а Билли сумел вскочить на ноги одним прыжком и, схватив с соседнего столика бутылку здоровой рукой, кинулся на меня. Я думал, что мне придётся ещё и помогать выбраться из питейного зала этому хрупкому на вид монаху со странным юношеским голосом, и оглянулся вокруг себя, чтобы окончательно оценить обстановку. Когда я уже обвёл взглядом окружение, то понял, что монах уже стоял около меня спиной ко мне. Ну, что ж, так тоже неплохо, хоть на какое-то время со спины никто не зайдёт.

Взмах рукой, и летевший ко мне рыжебородый молодчик взлетел в воздух от удара в челюсть снизу. Хук справа в бритоголового хрыча в шляпе с большими полями, – и он тоже решил отдохнуть, с размаху приземлившись спиной на один из ближайших столиков. Третьему пришлось дать подножку и добить его, уже падающего, ударом ребра ладони по шее. Бросившегося на меня толстого в широких брюках пришлось ударить двумя руками по ушам, и тот скрутился от боли уже у меня под ногами. Кого я ударил костяшками в горло память уже не зафиксировала.

Я только теперь заметил, что со спины мне только чужое дыхание и слышалось, да и то прерывистое. Я быстро оглянулся и разглядел, что четверо разномастных драчунов уже лежали на полу под ногами монаха, который даже не открыл лица, но и не сдвинулся в сторону от моей спины. Если я действовал под действием лёгкого ускорения, то он-то такой возможности не имел, но за то явно имел навыки рукопашного боя. И неплохие навыки.

Переведя стремительное поступательное движение следующего атакующего завсегдатая в движение летящего болида в сторону стойки я крикнул:

– Как дела, чернорясый?

– Нормально. Уходить отсюда будем сейчас, или по окончании представления?

– А как ты предпочитаешь?

– Я разомнусь ещё, но не знаю, сколько ты сможешь продержаться.

Новый «прохожий» с рёвом пролетел мимо меня, уже поддатый ногой святого отца и влетел в игровой аппарат головой. Аппарат сочно звякнул, переключил от удара сразу несколько мелодий и заиграл что-то типа «А кукарача, а кукарача...».

– Да и я не знаю, какая у тебя боевая подготовка. Ты откуда такой?

– В монастыре школа была. Монахи тренировались слегка, баловались. Как ты думаешь, нам помощь нужна?

– Зависит от того, сколько у нас времени есть в запасе. Я никуда не тороплюсь.

– Но ты и не забывай, что от соседних таверн к нам направляются уже новые зрители и потенциальные участники, пожелавшие надрать задницу новичку, т. е. тебе.

– Тогда давай выбираться отсюда. Кто первый выходит?

Но служитель культа вдруг свистнул каким-то залихватским, я бы даже сказал «хулиганским» посвистом, и в дверь салуна вошли ещё три монаха с наглухо закрытыми лицами. На лестнице на второй этаж вылетела дверь и, разбив перила лестницы, упала на официанта, выбив из его руки графин, и открыв вид на ещё троих в чёрных рясах «без лиц». Со свода зала (откуда они там взялись?) мягко кошачьими движениями в разных местах зала приземлились

ещё две тройки в развивающихся чёрных балахонах фигур и завертелись волчком, перемешивая между собой различные фигуры вокруг себя.

– Монахи, говоришь, баловались слегка? – улыбнулся я где-то глубоко внутри, – Интересное у них баловство.

Как-то стало значительно легче на душе, и я со спутниками продолжил свои телодвижения в сторону нападавших, количество которых резко уменьшилось на единицу сопротивляющихся. И мы начали синхронно отходить в сторону двери. Однако, двигаться к двери уже можно было спокойнее, т. к. со всех сторон к нам стали приближаться новые спутники в сутанах, а бородатые противники нашего движения наоборот постепенно старались отползти в сторону от чёрной процессии. Мы все встали в проёме двери, подождали дальних отставших и...

Около нашей группы стали останавливаться конные экипажи, куда стали быстренько прыгать чёрные фигуры.

– Ты с нами? – обернулась ко мне первая фигура.

– Я даже не знаю, кто вы такие.

– Мы твой новый экипаж корабля. Или ты продолжишь поиски в другом вертепе? Так ты едешь или бежишь?

Я прыгнул на подножку кареты, и возница щёлкнул вожжами, от чего рванувшиеся кони быстро понесли нас вдоль по улице в сторону причала в порту.

Корабль стоял на своём месте, и мы все быстренько погрузились на него. Попрыгали, так точнее. «Отдать швартовы!»

Поднятые на мачтах быстро, пока отдавались швартовы, и принявшие в себя ветер паруса придали движение красивой новенькой посудине и вынудили её отчалить от причала, и только тогда мы увидели, как в порт стали врваться группами мужики с ножами и саблями в руках.

За моей спиной оглушительно грянул выстрел, и бежавший впереди всех седобородый бородач с мушкетом в руке покатился по булыжнику. Я оглянулся, и увидел, как несколько моих гостей, вынув из-под рясы короткоствольные ружья, встали на изготовку и целились в толпу на пирсе. Я махнул рукой, и они поняли это как приглашение к действию и открыли беглый огонь. Я смотрел на удаляющийся берег и навсегда отставших преследователей.

Корабль уже отделился от преследователей на столько, что можно было не беспокоиться, и я повернулся к гостям лицом. Передо мной стояли в монашеских одеяниях с откинутыми капюшонами...

002. ПредСкриптур

Хочешь – не хочешь, а с миром, в котором я стал жить, мне пришлось знакомиться предметно. И не только теоретически.

Планета была выделена как изначально пригодная для проживания людей из общего реестра планет компьютерами Реи по всем параметрам. Предварительную подготовку мы провели в её доисторический геологический период. Потом «внедрили» сюда привычную земную флору и фауну (не обошлось, конечно, и без казусов), а потом смело «подселили» туда колонии людей.

Планета по своим размерам почти такая же, как и родная Земля. Но материков только два, – побольше и поменьше. И расположены они были несколько ассиметрично по отношению к общегеографическому центру.

Возможно, в силу своей ресурсной бедности, или просто так исторически сложилось (как с Евразией, Африкой и американскими континентами на Земле), материки по степени своего развития разделились: меньший материк стал Объединённым Королевством, а больший – преимущественно большим количеством разрозненных колоний. Хотя факт, что в колониях было и больше жителей, и больше осваиваемых ресурсов. Размеры Объединённого Королевства равны приблизительно 2 500 000 км²

Была ещё одна сила, – Островное Государство. Основной остров – размером что-то около 1 000 000 – 1 500 000 км² в центре огромного скопления островов всех вариантов размеров и формы с разной степенью населённости и развитости инфраструктуры. Я не пытался определить общие размеры всей развитой островной составляющей, но предполагаю, что она соизмерима с Объединённым Королевством. Вся масса всех островов и Объединённое Королевство находились приблизительно на равном расстоянии от обоих материков. Оставалась ещё большая площадь океана вообще как бы «отдельно», вне интересов обоих государств и за пределами привычных путей следования кораблей. Мало исследованная, неизвестная.

Учитывая постоянное противостояние Объединённого Королевства и Островного Государства, и географическую особенность последнего, именно последнее стало усиленно развивать свой флот. Нельзя сказать, что оно господствовало на море, но колоний успело захватить больше. И в торговле преуспевало весьма сильно. Если не сказать, что превалировало.

Отдельный разговор про церковь и духовенство.

Глава всей церкви планеты (типа нашего Папы Римского) – Его Высочайшая святость.

Глава церкви любого государства (типа кардинала, если опять брать за образец Землю) – Его Верховное Святейшество.

Ну, остальное устройство почти совпадает.

От земного знака христианства, не смотря на «дочернее» происхождение, жители отошли. Приняли для себя изображение солнца с вписанным в него глазом. Простенько – и со вкусом.

Особая роль была отведена женщинам, – практически рабское существование, полностью бесправное, бессловесное, безликое. Почти как в древних земных азиатских странах. Только что паранджу не носили.

А так, в принципе, на планете сложился феодальный строй. Не скажу, что развитой, но и не чисто феодально-рабовладельческий. Промышленность на уровне мастерских. Хотя, не мне судить о вземном гражданском и социальном устройстве.

Была идея не трогать никого, не внедряться, не советовать, не... Словом, не нарушать своё отшельничество. Была идея...

Благими намерениями дорога в... горячее место вымощена.

003. Начало истории

... Я повернулся к гостям лицом. Передо мной стояли дамы и девушки в монашеских одеяниях. В первый момент я просто потерял дар речи. Постепенно, придвигаясь ко мне толпой, стягивались самые разные по возрасту, расам, объёму талии и другим различным показателям особы женского пола. Державшие до того в руках ружья снова спрятали их под рясы. Так же под рясой стали видны незамеченные мной ранее бугры женских грудей, животиков, ягодич. Некоторые сбросили рясы для боя, и... у одной стал виден красивый эфес шпаги, кто-то поигрывал ранее и теперь прятал метательные ножи, у кого-то за поясом торчала целая коллекция пистолетов. Поразила одна дамочка с небольшой ручной пушкой (держит, как пушинку!), – и как это я не заметил её впопыхах, когда она заносилась на корабль?

И что я должен был теперь им сказать? Что сделать? Ведь фактически я сам «своими руками» привёл на свой корабль эту небольшую хорошо вооружённую банду феминисток и по идее уже не мог бы их выдворить с корабля, если бы захотел. А как? Типа сказать: «Девочки, прыгайте за борт, а то высажу на необитаемом острове? Или спускайтесь в трюм и стройте для себя там крепкую тюрьму, где будете постоянно находиться, пока я не передам вас властям?» Мне уже смешно! Ка-аки-им вла-астя-ам?

Толпа расступилась. Женщина среднего роста и возраста вышла из толпы и встала передо мной, улыбнулась и показала мне открытые ладони.

– Капитан! Может быть, просто сначала познакомимся?

– Хорошо. Я в миру Александр. В бою Слива. А вы кто?

– Я – Первая Дама. В миру Анжелика. В бою Хлыст. Я буду звать Вас КАПИТАН. А на корабле есть где всем нам присесть и поговорить о делах наших скорбных?

– Есть, конечно, – кают-компания. Но там, как я считаю, будет всем жарко и душно. Потому предлагаю разместиться на корме под парусом. Что будем пить?

– Всё, что Вы можете предложить в качестве добродушного хозяина. И мы голодны.

– Учту, спасибо за напоминание. Тогда дайте мне в помощь несколько человек для ...

– Да мы все Вам поможем. Ведите. Командуйте, Вы ж Капитан.

Быстро все вместе натянули парусину в качестве навеса от солнца над кормовой частью палубы, выставили в ряды складные столики и скамейки, из трюма стали выносить окорока, копчённую рыбу, фасоль в томате, кучу разной снеди, фрукты, сухари и сладости, что-то ещё. В заключении я выставил бочонок красного вина и коробку с первоклассными тонкими гаванскими сигарами. Посмотрим, чему молятся и что проповедуют эти служительницы культа.

Все расселись, все поместились, все участвовали в организации застолья, и теперь все смотрели на меня. Я выбил затычку из бочки, привинтил краник и наполнил первый кувшин, который сразу же передал на столы. Остальные кувшины наполнялись уже самими гостями.

– За Капитана, – провозгласила Первая Дама, подняла свой бокал и выпила до дна.

– За вас, дамочки, – ответил я и выпил свой бокал до дна.

– Капитан. Как называется Ваш корабль? Предлагаю тост за корабль.

– Да пока как-то и название ему окончательно не утвердил. Если есть предложение?...

– «Монастырь». Так сойдёт?

– И Вы предлагаете, что это будет монашеский или пиратский корабль, и мы будем монахами или пиратами?

– Ну, по обстоятельствам. Занятие нам всегда найдётся, и даже если мы будем заниматься торговлей, само название всё равно поможет настроиться самых не обузданных. Ваше решение какое?

– Ладно, поддаюсь под действием Вашего обаяния. А какой флаг? «Весёлый Роджер»?

– Капитан, мы монахини, а не пираты! Флаг мы придумаем, герб нарисуем, гимн сложим. Тогда за корабль «Монастырь»! Виват!

– Виват! Виват! Виват! – троекратно раздалось из уст нас всех.

Ну, «Монастырь», – так «Монастырь». Какая разница, в конце-то концов...

Спустя некоторое время все уже стали пить вино без тостов, громко разговаривать между собой, активно закусывать и просто ужинать... Начались локальные разговоры, междусобойные шутки, послышался весёлый смех. В противоположном конце стола я учуял запах и увидел дымок сигары. Плотные почти непроницаемые для воздуха сутаны и балдахины уже давно лежали на палубе. Ну, понеслось!...

– Так какой же это будет монастырь? Мужской или женский? – обратился я к Первой Даме, неотлучно находящейся рядом со мной.

– Капитан, Вас это волнует? – немного захмелевшим голосом спросила она.

– От этого определения зависит то, кто я здесь. Если монастырь мужской, то чур я настоятель монастыря, его душа и тело, – а вы кто тогда? Если монастырь женский, то я кто, пленник? Заложник? Или меня готовят кастрировать или оскотить?

– Капитан, не волнуйся, – она не заметила, как перешла на «ты». – Это только название корабля для окружающего мира и образ, который мы хотели бы внушить окружающим. Да, мы все верующие, верим в Бога Всемогущего и Единого. Но мы и рабыни своих пристрастий, своего тела, своего необузданного стремления к свободе и богатству. Никто из нас тебя кастрировать не планирует. Наоборот, о твоей чисто мужской, скажем, функции мы поговорим особо. Ты для нас Капитан, мы твои матросы и офицеры, это, – она обвела рукой по мачтам и палубе, – наша цитадель. Наша с тобой крепость. Наш дом. Так тебя устроит? И вообще, зови меня Лика, сокращённо от Анжелика.

– Ну, если так, то давайте попробуем жить совместно. Знал я в жизни и боевых монахов, и монастыри для подготовки целых армий наёмников в чёрных сутанах, и...

– Капитан, да хватит о делах! Давай выпьем! – и Лика обняла меня, протягивая кувшин с вином для моего опустевшего бокала. – И споем.

– Аллах с нами. Запевай!...

Вино и пиво налиты в стаканы.
Зажарены фазаны и баран.
Руки зажали дев тонкие станы.
На очаге доходит с пловом чан.

ПРИПЕВ:

Наполнит ветер наши паруса,
И капитан потянет запах носом.
Да сохранят пиратов небеса:
– Святая Дева, помоги матросам!

Скрипач рассыпал звуков очень много.
Трещит огонь, разложенный в камине.
И нет теперь здесь Дьявола и Бога.
Мы выпьем за Любовь и всех друзей помянем.

ПРИПЕВ запели некоторые участники застолья :

Наполнит ветер наши паруса,
И капитан потянет запах носом.
Да сохранят пиратов небеса:
– Святая Дева, помоги матросам!

За паруса поговорим и рифы.
Обсудим орудийные стволы.
Пиратских старых песен вспомним рифмы.
Игральные зальём вином столы.

ПРИПЕВ запели уже все участники застолья:

Наполнит ветер наши паруса,
И капитан потянет запах носом.
Да сохранят пиратов небеса:
– Святая Дева, помоги матросам!

– Капитан, позови рулевого к столу? Кто там у тебя в рубке? Кто у руля?
– На корабле никого нет.
– Но корабль хорошо идёт под парусами. Кто-то управляет им. Кто?
– Дамочки, кораблём управляю я сам. Отсюда, где мы сидим. Сам.
– Но так не может быть.
– Может. Вы ж меня совсем не знаете, как и я не знаю ничего о вас.
– Мы о себе можем рассказать. Только спроси.
– Давайте не сегодня. Я устал и хочу спать. Вы сами сможете выбрать себе места для отдыха? Или мне надо вам показать?

– Капитан. Мы сегодня будем спать так, как мечтали долгие годы, – под открытым небом, на палубе свободного корабля, обдуваемые ветром свободы. Иди спать, не волнуйся.

Я попытался подняться из-за стола, но меня повело в сторону, и я опять всем телом осел на скамью. Пришлось на некоторое время замереть и снова сидя отдохнуть. Кажется, никто не заметил этой моей слабости. А чему тут удивляться? Такой «весёлый» денёк выдался: поиски команды, беготня по городу, отчаяние, трактир, безнадёга, выпивка, драка, погоня, преследование, новое знакомство, опасение, опять выпивка, расслабление, новая надежда... И всё в один день.

Кажется Лика что-то заметила и, под предлогом что-то ей показать в трюме, крепко обняла меня за пояс, и мы вместе спустились ко мне в каюту. Я отпер дверь каюты перстнем и, не снимая сапог, упал на кровать лицом вниз. Всё! Спать!

004. Первая ночь

Я повернулся на другой бок и... Передо мной было лицо Лики. Она тихо спала рядом на боку с раскиданными по подушке пышными волосами. Я лежал у себя в кровати в своей капитанской каюте. Раздетый, разутый, укрытый простынёю и вполне довольный своей Первой Дамой.

Как же теперь трактовать в её имени слово «Первая»? Это не насмешка, – это предвкушение чего-то огромного и одновременно приятное послевкусие. Вот я лежу на спине и смотрю на потолок. В зеркальном потолке я вижу себя и всю комнату. На зеркальном потолке каюты разыгрывается уже давно известный мне фильм – игра бликов от волн, которые отражают ко мне на потолок через открытый иллюминатор лучи восходящего солнца. Они пляшут в немислимом танце, – вечном и прекрасном, как сама жизнь. Они отражаются в зеркальных стенах каюты, зеркальных стенах шкафов, стола и других зеркальных поверхностях прочей мебели. Да, только вчера утром я был в полном одиночестве и точно так же любовался, – но не наслаждался, как сегодня, – этим танцем. Но вчера на душе у меня было тревожно. Я был вчера совершенно один в целом мире, мир весь был мне и не друг, и пока не враг. Я понимал, что такой мир не может быть ко мне ни долго благосклонен, ни абсолютно доброжелателен. А точнее, он постарается сломать, перемолоть, подчинить, поглотить и уничтожить меня. Просто как единицу мироздания.

Я осторожно, чтобы не разбудить Анжелику, вылез из под простыни, накинул халат, вышел из каюты и поднялся на палубу. На палубе в разных позах и раскидав руки и ноги от духоты тёплого ночного моря спали девушки и женщины в чёрных одеяниях. Они постелили свои чёрные сутаны на палубу и просто улеглись на них. Кто-то под голову положил свою сумку. Кто-то лежал на боку в обнимку с ружьём, одна девушка использовала живот другой вместо подушки. Я прошёл по кораблю и увидел, что на корме и на носу сидят с оружием часовые. Сидят и смотрят на море. Я понял, что это часовые потому, что они махнули мне рукой вместо приветствия и показали знаком, что всё в порядке.

– Чего не спишь? – спросил я у одной из них.

– Мы на часах. – ответила мне дамочка.

– Кто назначил?

– Наша очередь.

– Сколько вас?

– Трое. Я на носу. Одна на корме, и одна в «корзине» на мачте.

Только теперь я задрал вверх голову и в лёгкой дымке предутреннего неба увидел в «корзине» ещё одну часовую.

– Спрошу по другому. Кто приказал?

– Я же говорю, никто. У нас сегодня дежурство, вот мы и заступили, когда вы все сели пировать.

– И вы не сидели с нами за столом? – она мотнула отрицательно головой. Вот ведь урод: я не заметил, что меня уже и охраняли. Точнее, мой корабль. Меня охраняли дамочки-монашки, а я сначала пил со всеми, а потом спал с их предводительницей. И даже не подумал о такой охране в их лице. Конечно, корабль охраняется электронной системой получше, чем эти вперёдсмотрящие, но сам факт! НЕ ЗА-МЕ-ТИЛ! Теряю квалификацию? Расслабился? Устал? Состарился? Ничего, надо снова стать прежним, – изначально майором истребительного воздушно-десантного отряда специального назначения, легендарным Сливой, грозой многих воинских строевых и не строевых подразделений врагов. Позднее страшной легендой бандитских и подпольных формирований, а потом широко известным в очень узких высших

кругах криминального мира поставщиком всего и всем в мире. Но... в другом мире. Не в этом. И в другой жизни.

Я махнул рукой часовой и прошёл в рубку. Приборы показывали, что всё в порядке. Я пересчитал по тепловизорным датчикам, сколько же у меня «гостей» – ну или экипажа, – в настоящее время на корабле, пощёлкал фиксаторами памяти, проверяя, всё ли фиксируется, удостоверился, как автоматика выдерживает курс, проверил по лощи, есть ли проблемы по пути следования... И понял, что мне это всё не надо, а я просто тяну время и стараюсь хоть чем-то заняться, чтобы оттянуть возвращение в свою каюту. Я представил себе лицо спящей Лики и подумал, что это, наверно, и есть начало новой жизни.

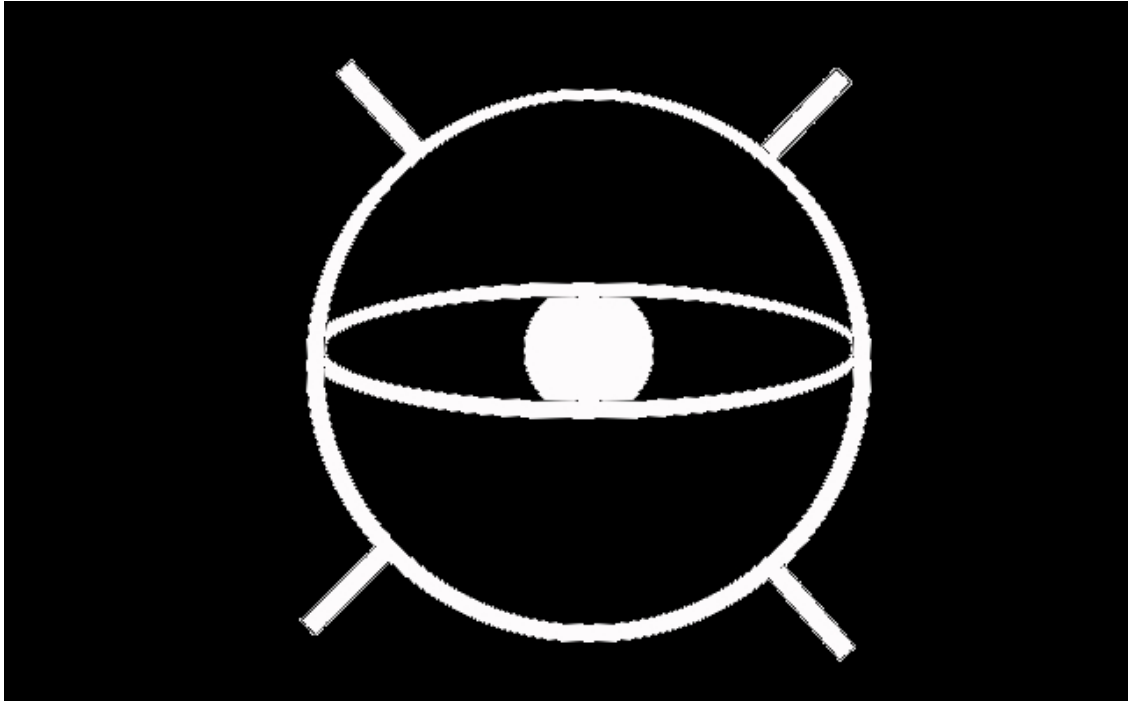
И дело не в Лике, не в группе дамочек, море, горизонтах морских и жизненных, летящих чайках и минутах жизни. Нет! Я, кажется, начинаю просыпаться и двигаться. Ведь в последние годы и годы (столетия, если точнее) я перестал быть самим собой: я делал великие дела для МИРА, в котором не жил, для ЛЮДЕЙ, которых не знал, для семьи, которая отказалась следовать со мной в новый мир и новую жизнь, – им всего хватало в старой жизни уже и без меня. Я фактически плыл по течению, следовал не своим решениям, воплощал не свои идеи, делил не свою радость, пел не свои песни... Я словно спал в летаргическом сне и видел сны.

Вон ночью сегодня я пел СВОЮ песню, которую написал ещё в студенческие годы для какого-то КВНа или чего-то подобного. И мне было так хорошо, как не было хорошо уже очень давно, – в обозримом мне «давно». И это при том, что я не знал, что я проведу последующую ночь с Ликой, что в конце вечера или ночью меня не постараются зарезать или выкинуть за борт, чем я буду заниматься в этом мире, какие дороги пройдем на корабле «Монастырь»... Ага, я уже привык к его названию! Это значит, что лично для меня это название прижилось.

Анжелика не проснулась в моё отсутствие, а только повернулась на спину, совершенно скинув не нужную в такую духоту простынь. Я постоял над ней, рассматривая раскинувшуюся по всей постели аппетитную женщину в свете бликов от зеркального потолка, – её крепкое, красивое спортивной целесообразностью тело, – скинул халат и тихонько лёг рядом, прижался к ней и осторожно обнял её, положив свою ладонь ей на острую стоящую грудь. Она зашевелилась, что-то пробормотала во сне, повернулась ко мне и обняла меня тоже, прижавшись всем телом и широким замахом закинув на меня свою ногу, – почти мне на поясницу. Сначала она лежала без движений, потом тело стало требовать большего и она зашевелилась, вполне определённо давая сквозь собственный сон понять свои нарастающие желания своими же бессознательными движениями. Ага, зрелая голая монашка Анжелика, предводитель команды монашек, в моей постели давала мне понять всем телом, что она хочет от меня, что её тело хочет меня...

Я ещё крепче прижал её к себе и начал гладить, и она начала постепенно просыпаться и что-то негромко сквозь сон мурлыкать...

005. Наместник

Я проснулся от резкого сигнала тревоги. По всему кораблю звучали резкие частые удары колокола. Джульетта – милая и ласковая Джулия, всегда такая ненасытная, с ничем необузданной фантазией, – тоже начала быстро одеваться, и мы даже столкнулись лбами в моей достаточно просторной каюте. Она оделась быстрее, – и не потому, что в этом мире нет в обиходе нижнего белья, а потому что я просто залюбовался её крепкой обнажённой фигурой в отражениях со всех сторон. В накинутом на голову капюшоне она вышла из моей каюты и поспешила на палубу. Я то знал, что ничего страшного случиться не может, но поспешить на палубу всё равно придётся. Я спокойно оделся, вооружился, одел свою белую рясу и вышел наружу. Все уже заняли места согласно боевого распорядка.

Я поднялся на мостик, где уже собрались офицеры корабля. В бинокль стал виден корабль, о котором предупредили вахтенные. Четырёх мачтовое судно степенно приближалось к нам, и стало видно, как открылись пушечные порты с нашей стороны.

Вот интересно, что видят сейчас их офицеры со своего мостика? Наверно им хорошо видно, что у нас на мостике стоит монах в белом одеянии и группа монахов в чёрном. И как они отреагируют на наш флаг? Всё зависит от того, кто на этом корабле. Судя по флагу, это правительственное военно-экспедиционное судно. Они подняли сигнал нам остановиться. Надо хотя бы сделать вид, что мы подчиняемся. Но и просто так поддаваться не стоит, хотя не похоже, чтобы это были пираты.

Я приказал поднять сигнал: «Представьтесь кто вы».

Ответ последовал незамедлительно: «Флагман Его Величества Короля»

Ну что ж, познакомимся. Я отдал все распоряжения остановить наш корабль и лечь в дрейф. Приготовить шлюпку, трап... и приготовить орудия по обоим бортам к бою. Так, на всякий случай. В сопровождение назначил четверых матросов со скрытыми под рясой ружьями, да и на мне самом хватало арсенала любого назначения.

К величественно стоящему достаточно большому – в сравнении с нашим – судну мы по небольшому волнению моря подошли достаточно быстро. Четыре монаха в чёрном за вёслами и один белый монах, стоящий на носу шлюпки, – это было монументально и величественно. При подходе к кораблю я, как и подобает священнику, трижды перекрестил встречающих, отдельно перекрестил их корабль, – ну не даром же имею посвящение на Земле от папы римского в сан после удачно проведённой секретной освободительной операции в Ватикане. Да и экстерном пройденная духовная академия не прошла даром.

По трапу мы степенно поднялись втроем, двое остались в лодке, удерживая её фалами за трап.

Я перекрестил собравшихся перед трапом людей, и меня предложили провести к капитану. Моё лицо и лица моих спутниц на ярком солнце не были видны под громоздкими капюшонами, да у дамочек ещё и сетки на лицах. Мы втроем прошли к трапу, моя охрана осталась около лестницы, а я поднялся на тесный капитанский мостик.

– Я приветствую и благословляю Вас, капитан, вместе с вашим кораблём и Вашей командой. Да пребудет с Вами мир и спокойствие. Да будет путь свободен от бурь и врагов. И да воздастся Вам за дела Ваши и службу королю, – и протянутой рукой трижды перекрестил склонившихся в поклоне офицеров во главе с капитаном.

– И я приветствую Вас, святой отец. Спасибо за благословение, – склонённый капитан нагнулся и поцеловал мне руку, потом к руке приложились его помощники. – И Вам желаю доброго пути – морского и земного. Разрешите представиться: капитан флота его величества короля Объединённого Королевства и колоний – Искандер Смоллетт. Не соблаговолите ли отобедать вместе с братом короля и со мной в кают-компании? Он пригласил Вас через меня, но сам факт приглашения возложил на меня, как и решение о такой возможности.

– Соблаговолю, сын мой, соблаговолю. Ведите нас к нему.

– С удовольствием, святой отец. Проходите сюда, – показал он мне рукой, когда мы спустились вместе на палубу. Офицеры остались на мостике, а моя охрана последовала за мной.

– Святой отец, а нужны ли Вам Ваши прислужники? Или это Ваша охрана? – обратился ко мне капитан, пока мы шли в сторону его каюты по палубе.

– Капитан Смоллетт, это не охрана, – сам Бог охраняет слугу своего от бед и ненастий в этом мире. А послушники мои сопровождают меня с сумкой для отправления таинств и обрядов, которые могут понадобиться на одиноком корабле в море, потому они и сопровождают меня везде, – в наплечных сумках у моих спутниц на самом деле находились библия, маленькие иконки, символика, кадило, ладан, благовония, даже складная подставка под библию.

– Так Вы, так сказать, ко всему готовы?

– Конечно. А ступив на палубу Вашего корабля я не увидел Вашего служителя божьего. Не может быть, чтобы на таком большом правительственном корабле не была предусмотрена должность капеллана, и тогда почему он меня не встретил?

– Беда случилась с нашим капелланом. Он причащался красным вином, да видать не рассчитал свои силы и упал за борт.

– Тягостное известие Вы мне сообщили. Мне всегда больно, когда уходят в мир иной слуги господ, да ещё при исполнении своих прямых обязанностей.

– Вот мы и пришли, – провозгласил, наконец-то, капитан и открыл дверь в просторную кают-компанию.

Навстречу поднялся и подошёл высокий стройный мужчина в расшитом камзоле ярких цветов, – на мой вкус бездарно подобранных, – и склонился в лёгком поклоне.

– Святой отец, – обратился он ко мне. – Разрешите представиться: Фридерик Славович, брат его величества короля Объединённого Королевства и наместник его для всех колоний.

– Очень приятно. Я отец Александр. Рад нашему знакомству.

– Очень, очень приятно, – ответил с поклоном Фридерик.

Я традиционно перекрестил его, благословил и дал поцеловать свою руку. Потом мы сели за стол. Мои дамочки степенно заняли место за моей спиной, внимательно наблюдая за происходящим вокруг. Впрочем, о том, что они дамочки, – на мой взгляд – ничего не выдавало. Они могли стоять, сидеть, нагибаться, – но ничем не отличались от обычных монахов.

– Что будете пить, святой отец? Какое вино? Красное, белое, сладкое, сухое?

– Воду, конечно же. Вы же понимаете, сан обязывает.

– А что кушать изволите? Точнее, что вам можно по сану откусать за нашим столом?

– А вот еду предпочитаю нежирную и фрукты. На Вашем столе, как я посмотрю, есть всё, что мне надо. Особенно порадует простой хлеб, который у нас на корабле уже высох.

– Так, может быть, отпустите своих слугителей, да посидим не только по сану?

– Не могу, господин Славович, не могу. Первостепенному обет дан, всегда при сани быть.

– Ну, как знаете. А мы выпьем вина с Вашего благословения и за Ваше благословение.

Мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо.

Они выпили, поели, и теперь опять вспомнили о моих спутницах.

– Может быть, и Ваши сотоварищи отведают наших кушаний?

– У них обет, до заката солнца им есть сегодня не положено. Так что спасибо. Вы лучше расскажите, куда путь держите? Цели какие, какие, может быть, проблемы?

– Можно я начну с последнего? Проблема у нас есть, Вы правы. Нашего капеллана за борт тёмной ночью смыло волной при шторме, – похоже, что сановник ещё больше капитана хотел скрыть правду о капеллане, или стеснялся пьянства монаха, или что-то другое произошло с бедолагой, о чем они не успели договориться и потому выдавали друг друга. – Не смогли мы его спасти, потому что не видели, темно было. Шторм был жуткий, все были заняты своими делами, – вот и сгинул наш товарищ. Потому хочу обратиться к Вам с величайшей просьбой, чтобы Вы дали нам из числа своего окружения слугителя культа, который бы его заменил. Хотя бы до конца нашего пути. А то и офицеры волнуются, солдаты и матросы помощи часто просят. Никак нельзя нам без капеллана. Вы же понимаете?

– Мне очень жаль Вас расстраивать, но в моем окружении нет ни одного человека, который бы соответствовал нужному сану и званию. Я единственный, кто может все дела и службу отправлять. Остальные простые служки, и потому к сану представлены не были. Я, конечно, могу задержаться и совершить все необходимые обряды на Вашем судне, а капитану, – я повёл рукой и улыбнулся ему, – оставлю письмо настоятелю монастыря, мимо которого вы будете скоро проплывать, чтобы он выделил столь потребного вам слугителя божьего. У него, знаю, есть такая возможность. А для того, чтобы матросы и офицеры спокойны были, могу поручить своим людям вставить в верхушку самой высокой мачты частичку мощей святого Варфоломея, которые будут хранить Ваших людей и корабль от нечисти до самого пункта назначения. Или пока слугитель Господа не займёт место почившего. – Ну не говорить же им, что мне пришла идея вмуровать и замаскировать им маячок в мачту. И буду слушать их разговоры на палубе, на мостике, в каютах и кают-компаниях. Удобно ведь...

– Хорошие идеи у Вас, святой отец! – обрадовались Фридерик и капитан. – А настоятель монастыря нам не откажет?

– Ну что вы, как можно отказать в таком святом деле? Да и знаю я его, и недавно как раз службу служили вместе в том городе, – ответил я, вспоминая, как мы вдохновенно пели с тем настоятелем песни во все горло в глубоком винном подвале после трудной долгой мессы в центральном соборе.

– Кстати, святой отец! А как называется Ваш корабль? Я не смог в бинокль прочитать древнейшие письмена на борту.

– Его Святейшество, учитывая нашу великую миссию, при постройке корабля дал ему название «Святой Монастырь». Так мы теперь и благодарим его денно и ночью за столь великую идею и столь благодное название нашей посудине. Я предлагал изначально «Ковчегом»

назвать, но вмешалось провидение, и на верфь приехал Вадыко и Его Святейшество, и дали такое название.

– И чем же оно лучше, чем «Ковчег»?

– Так ведь на нашем корабле нет ни мирских, ни рабов, никого из мира грешного. Только служители божьи, принявшие не только веру его, но и постриг. Чем же не монастырь? И в пути долгом по волнам моря и мироздания, и на стоянках в портах, и во время штиля или бури мы молимся денно и ночью о милости божьей к рабам его, и к нам, слугам его. Вместе молимся, степенно и со рвением, как если бы на тверди земной в монастыре жили.

– Понятно, отец Александр, понятно. Нужно дело делаете. Души наши поддерживаете в чистоте, свет проливаете, добро несёте в наши мысли, – проговорил Фридерик.

– Отец Александр, – после некоторого молчания вступил в разговор и капитан. – Так вы говорите, что можете отслужить службу на корабле?

– Конечно, это мой долг.

– Сколько Вам надо на подготовку? В какое время можно это мероприятие провести, чтобы и Вас не задерживать, и хорошо всё получилось?

– Можно объявить, чтобы в 16-00 все были готовы. А кафедра у вас есть?

– Конечно, конечно! Покойный капеллан с кафедры тоже обращался к солдатам и матросам.

– Вот и распорядитесь, – и капитан встал из-за стола и вышел в коридор.

– Так куда путь держите, Наместник?

– В колонию одну, несколько в стороне она находится. Надо налоги оттуда забрать за 5 лет, – доставить их монарху они не могут, т. к. их корабль был атакован пиратами, и в настоящее время находится в нашем доке, на ремонте.

– И большие суммы там?

– Да не маленькие. И груз накопился дорогой и объёмный. Там не только монеты. Там и мануфактура, и золото в слитках из приисков, и бриллианты – огранённые и не огранённые – для короны. Вы знаете, там и рабыни, и экзотические фрукты, и... – подвыпивший наместник стал выбалтывать имена и звания людей, которые хранили и были ответственны за груз, и я внимательно слушал. По ходу его рассказа у меня стала вырисовываться одна интересная мысль, но пока не было чего-то ключевого, что стало бы настоящей идеей к действию. Он говорил не долго, но сказал на мой взгляд достаточно для болтуна, но не достаточно для принятия решения. Вскоре вернулся капитан и довольный снова сел за стол.

– А скажите, уважаемый господин Смоллетт, с какой скоростью двигается Ваш корабль?

– Ну, вы же должны понимать, что это зависит от ветра и разных условий.

– А всё таки. Вот как боевой курс и курс преследования, сколько Вы можете выжать при самых лучших внешних факторах?

– Мне приходилось преследовать как-то пиратов, и мы достигли отметки 18-20 узлов. Думаю, что это максимально.

– Понятно, – я в уме уже просчитал скорость в узлах «Монастыря» и мысль стала вырисовываться. – А Вы будете ещё куда-то заходить по дороге в колонию?

– Конечно, нам обязательно надо навестить несколько портов, которые будут несколько в стороне от прямого пути, и передать туда приказы короля, почту, даже есть несколько пассажиров высокого чина. Это в основном чиновники высокого ранга. Они направляются к месту службы.

– А давайте этих чиновников пригласим сегодня на ужин после службы, и Вы меня им представите. А то я ранее почти не выходил из стен монастыря, и почти никого не знаю в миру, и уж тем более в этой части планеты.

– Хорошая идея. Вам, как человеку новому в этих краях, надо обзаводиться знакомствами. Тем более, что Вы по своей сговорчивости можете быть очень полезным для них.

Решено, ужинаем вместе после службы. Столы будут накрыты к 19-00 и ждать окончания службы. Как думаете, Вам хватит на всё три часа?

– Думаю, что хватит. Я привлеку к этому делу ещё своих людей, и они помогут мне всё организовать. Дело не в службе, а в том, что, как я думаю, большое количество верующих захочет лично получить благословение от священника высокого ранга, и это может занять значительно больше времени.

– Да, да, согласен. Тогда что Вы сейчас будете делать? Чем я могу быть Вам полезен до начала службы?

– У меня есть ещё несколько часов, я поеду к себе на корабль отдохнуть и подготовиться к службе. Приеду минут за 20-30 до начала и мы всё обсудим. Думаю, этого хватит для подготовки.

И я отбыл на «Монастырь». Идея начала оформляться у меня в голове вполне красиво.

006. Служба

Служба прошла на высоте. Владение словом, знание предмета проповеди, текста службы, внимательные благодарные слушатели, приятные воспоминания о моих учителях и наставниках, – словом, акция «опиум для народа» прошла с блеском. По окончании службы наместник и капитан первыми подошли ко мне за причастием и отпущением грехов. Наместник с помпой подарил мне большой серебряный «глаз» с богатой позолотой и инкрустацией бриллиантами и изумрудами. Впечатляюще, и интересно, где он это отхватил, чтобы вручить его мне с благодарностью от имени королевской семьи. Капитан внёс весьма большую сумму пожертвований на святое дело из корабельной кассы. По окончании основного действия довольные слушатели потянулись приложиться к руке, получить личное благословение, сделать пожертвование для монастыря... «Монастыря»... Улыбнуло. Ну, и как положено, изголодавшийся по духовной пище народ благодарно по очереди тянулся и тянулся в мою сторону.

Я прибыл на корабль на вместительном скрытно вооружённом баркасе, как и договаривался, заранее для организации процесса в максимально быстром темпе. Меня никак не радовала мысль стоять тут до утренней зори и потом с опухшей от поцелуев рукой молить Всевышнего о собственном исцелении. Потому я объявил страждущим, что для причащения и покаяния, равно как и для прикладывания к святым предметам лучше чем моя рука годятся доставленные моими служками иконы и мощи святых в специальных шкатулках. Мы расставили их на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не образовывались встречные и мешающие друг другу потоки людей, чтобы все могли подойти ко всем или выбранной ими цели, не минуя при этом жертвенных кружек. Ха, «кружек». Бачков! Попутно шла бойкая торговля «глазками», иконками различных размеров, свечками, освящённой водой, благовоениями, елеем и ещё многими церковными товарами. Пятнадцать служек сопровождали наши ценные иконы и реликвии, выделенные солдаты и матросы, первыми принявшие лично моё причастие и отпущение грехов, стояли на страже моих сотрудников и собираемых с толпы пожертвований.

После того, как закончилась очередь из высокопоставленных чиновников, после того, как я благословил группу простых матросов и моряков, я передал продолжение действия своим служкам, а сам вместе с наместником и капитаном удалился в кают-компанию в компании с ратью чиновников.

– Вы даже представить себе не можете, какой праздник Вы нам всем сегодня подарили, – благодарно изъяснялся и размахивал руками наместник. Я заметил, что он не очень-то и протрезвел после обеда, – скорее всего даже стал ещё и пьянее. Это было мне на руку.

– Для людей служим мы, для души их. Вам спасибо, что обратились. Не всегда мы знаем, где больше нуждаются в божьем слове люди, а они могут и не иметь возможности попросить, и постесняться обратиться. Потому и Вы к божьему промыслу сегодня очень даже причастны, благое дело сделали мы все вместе сегодня, – лил я бальзам на его уши в присутствии его подчинённых.

Меня согласно рангу, посадили слева от наместника, а справа привычно, как я понял, сел капитан.

– И не говорите, святой отец. Господа! – обратился наместник к рассевшимся за столом людям. – Позвольте представить вам нашего нового друга отца Александра. Я сегодня на ваших глазах подарил ему от имени королевской семьи святой именной «глаз», пожалованный мне самим королём для передачи его отличившемуся священнослужителю колоний. Считаю, что отец Александр вполне заслужил эту награду, и само провидение направило его «Монастырь» так, чтобы мы смогли встретиться и познакомиться. Потому прошу впредь при встрече и обра-

щении лично отца Александра к вам за помощью и советом действовать в соответствии так, как если бы это я сам к вам обратился. И потому поднимаю тост за нашего спасителя и во славу нашего бога.

Сумбурная, но искренняя речь пьяного наместника, наконец-то, закончилась, и, выпив до дна довольно вместительный бокал вина, он всей тяжестью сел на свой стул. Закусывать он не стал, – я эту манеру заметил ещё утром, – и стал вытирать вспотевшее лицо какой-то тканью. Да, этому обществу явно не хватает многих привычных для нас вещей. Например, салфеток и носовых платков. Я подумаю...

– Господин наместник, – обратился я к нему, когда гул голосов в мою честь переключился на другие предметы, – а сколько Вы планируете пробыть в той колонии?

– Ну, не знаю. Это мерзкое место столь отвратительно по удобствам и развлечениям, что я бы и не ехал туда, если бы не приказ короля. Но это одна из богатейших колоний и поступлений в казну не было уже пять лет, потому что король опасается посылать туда других людей. Вот и послал туда меня, – почти плаксиво поведал мне наместник.

– И чем же там так плохо? Ведь в Вашем распоряжении будут все блага цивилизации, которые Вы только пожелаете, да ещё без контроля со стороны короны!

– Вы не представляете себе, как там грязно и воняет в самых важных присутственных местах, во дворце ставленника короны, на улицах и других местах. Я не могу там от вони ни спать, ни есть, ни пить. Кстати, пить там тоже нечего, потому что делать хорошее вино они просто не умеют, а запасы, которые я взял с собой, просто мизерны от моих потребностей.

– Но ведь есть же чистые места, – наверно бары и бордели почище, чем Вы рассказали?

– Ни сколько! – в разговор включился уже тоже порядком захмелевший капитан. – Там просто никакой культуры. А в борделях какие-то старые клячи да уродки, на них даже смотреть тошно!

– А когда мы приедем, то они только тогда начнут свозить все на корабль из разных хранилищ, – начал опять жаловаться наместник. – Они не могут хранить все ценности в одном месте, чтобы с ними ничего не случилось, потому что из-за отсутствия связи начнут свозить все только после нашего прибытия.

– Ну, – включился в разговор и я, – тогда я успею вас обоих там застать, а то я планировал по заданию своих наставников доехать и туда в местный храм, чтобы доставить туда мощи святых. Может быть я даже попаду туда быстрее, чем вы, но тогда постараюсь вас там дождаться.

– Это хорошо, – обрадовался наместник, – а то там и поговорить-то не с кем. Они не только косноязычны, но ещё и не знают простого дворцового этикета. А знаете что? – вдруг воспрянул духом наместник. – Вы уже раз помогли нам, так помогите ещё раз.

– Весь во внимании, – я на самом деле заинтересованно стал слушать.

– Я подумал, что могу передать через Вас распоряжение, чтобы они начали свозить грузы и ценности за долго до нашего приезда, чтобы сократить наше там пребывание.

Вот эту мысль я и сам собирался ему предложить, но пьяный ленивый чиновник сам додумался до такой простой идеи. Теперь надо только...

– Господин наместник. Но как мне там поверят на слово, да ещё с такими ценностями?

– Я напишу на гербовой бумаге короля распоряжение, и они как миленькие всё сделают.

– Так давайте не будем откладывать, а то я планировал уже сегодня ночью отправиться дальше. Капитан, мы можем с правителем не на долго устроиться у Вас в ...

– Зачем? Бумаги у меня в каюте, каюта достаточно просторная для нас с Вами, потому что мы это сделаем вместе, и даже капитан не будет ни о чем знать.

И он направился со мной к себе в каюту. Направился – это слишком громко сказано. Потому что трое моих девушек буквально несли его на плечах, а он только показывал дорогу, отказавшись от сопровождения капитана. В на самом деле просторной каюте вдруг выяснилось, что писать он уже не может, что перо рвёт бумагу, чернила разлетаются по всему письму.

Словом, мне пришлось (как я и планировал заранее) посадить к письменному столу Первую Даму, и она под его диктовку написала письмо. Потом она вытащила ещё один лист гербовой бумаги и написала то, что мы оговорили ранее. Наместник подписал всё, что мы ему подсунули на подпись. А потом просто заснул у нас на руках, – пришлось его ещё и до кровати оттащить, чтобы подольше спал, не беспокоился. Первая Дама собрала все листы гербовой бумаги, которые мы нашли в каюте, мы также проверили, не понадобится нам что-то ещё из документов наместника и удалились. Она пошла к баркасу, а я вернулся к столу. Никто и не заметил, как я отлучился, как исчез из-за стола наместник, как я вернулся к столу. Потому я громкогласно попрощался со всеми, сказал, что меня ждут дела божьи, и ушёл вместе со своей стражей.

Баркас быстро довёз нас до «Монастыря», был поднят на борт, – и мы пустились в путь, даже не дожидаясь утра.

007. Первая добыча

– Сегодня хороший день, – говорил мне радостно управляющий колонией. – Мы практически заполнили свои склады продукцией, и потому открывать новые склады очень затруднительно. Это не предусмотрено бюджетом, потому ни охрана, ни транспортировка, ни собственно аренда новых площадей просто невозможна. Да и нет у меня больше солдат для охраны. Я к верфи для охраны буду стягивать те отряды, которые будут освобождаться от складов.

– Но Вы достаточно хорошо охраняете имеющиеся ценности?

– Конечно, конечно. И вас будем охранять.

– И когда я смогу познакомиться как с документами на них, так и перегрузить их на корабль? Ведь король уже давно ждёт от Вас этот груз! И сердится!

– Я уже сегодня утром, после нашего разговора, отдал приказ начать доставлять грузы к вам на корабль. Надеюсь, что охраняемая военная пристань Вас устроила по своей безопасности и удобству погрузки? Может быть вам надо выделить больше людей?

– Не стоит, господин управляющий, – вот ведь засада. Я забыл, как его звать, и потому вынужден называть не по имени, а по должности. – Мои люди вполне справятся с этим заданием. К тому же допускать на корабль посторонних лиц не могу по подписанным мной ранее обязательствам. Люди, которые прибыли со мной, наняты собственной службой безопасности короны, потому я на них могу полагаться. А нанятые портовые грузчики просто не могут рассчитывать на столь же полное доверие, как мои люди.

– Я понимаю, понимаю, но если возникнет потребность...

– У меня сейчас только одна потребность, – скорее погрузиться и быстрее выйти в море. А то ходят слухи, что у вас на территории много сухопутных бандитов, и потому мне угрожает большая опасность на берегу, на верфи, в портах, – больше чем в открытом море. Потому отгружайте как можно быстрее всё оговорённое и в том порядке, который мы наметили.

А порядок мы наметили такой: сначала погрузили деньги, собранные в виде налогов, потом продукцию золотых рудников и алмазных разработок, потом произведения искусства, собранные в качестве конфискантов и пр. Погрузка мануфактуры планировалась во вторую очередь. На случай «большого шухера» мы могли бы отчалить и с тем, что успели погрузить. И хотелось бы, чтобы то, что успели погрузить, было бы максимально ценное и по возможности менее громоздкое. Ну зачем мне мебель, которую они собирают из дорогих сортов дерева, когда я могу погрузить доски и заготовки из этого дерева и продать потом его ничуть не дешевле изделий, но при этом не транспортировать «воздух» в пустых шкафах? Это как пример. Или зачем мне готовые платья, которые надо везти аккуратно на специальных стойках, когда тот же объем я насмерть забью и утрамбую просто дорогой материей местного производства, и она у меня уйдёт по вполне приятной цене? При любом раскладе, я могу погрузить и платья, и шкафы, если останется время до прибытия королевского транспорта. А если не успею? Эх! Хорошая была идея поставить на их мачту маячок, и теперь мы знаем, где они находятся! Можем всегда выкроить время для своевременного отступления.

Вчера мы опустошили их банковские хранилища полностью. Я предложил управляющему выгрузить все деньги – в счёт будущих налогов, – да ещё и взять всевозможные займы, чтобы потом расплачиваться тоже будущими налогами с этими займами. Провернул несколько похожих кредитных операций в стиле Остапа Бендера с верхушкой и основной массой банкиров и промышленников, что тоже дало мне неплохую прибыль. Если изначальная сумма, подлежащая вывозу, выросла втрое, то это просто мелочи. Я пришел в дикий (скрытый от всех) восторг, когда на погрузку привезли ящики с золотыми слитками. Я сначала пробовал

приблизительно подсчитать их хотя бы число, но потом, по мере прибытия всё новых и новых грузовых подвод окончательно сбился со счета и оставил вести учёт Первую Даму. Когда она сообщила мне, что начали поступать сундуки с огранёнными и – больше – не огранёнными алмазами, и когда я увидел один из открытых сундуков, то просто пришлось послать Элли – Эльвиру – за холодной водой с капелькой вина. И только под воздействием холодного напитка круги перед глазами стали проходить, а я стал приобретать дар осмысленной речи.

В голове стали появляться новые схемы раскручивания этих денег, но я хорошо понимал, что сначала их надо будет как-то легализовать. Даже в этой средневековой глуши подобные суммы лучше не связывать ни с пиратами, ни с правительством. Ладно, подумаем. Теперь бы только выйти отсюда сухими.

Мануфактуру погрузили быстро. Тяжёлые тюки, но их можно утрамбовать хотя бы в помещениях трюма. Управляющий очень сильно интересовался, не протекает ли наш трюм, и нет ли там крыс, – всё, что может повредить груз. Но я уверил его, что не протекает, и крыс нет, и мыши не водятся. Не скажу, что он очень поверил, но на корабль я его не пустил.

А как я могу его пустить на корабль, когда под камуфляжными голографическими деревянными люками расположены стальные трюмы с дронами-погрузчиками? И что он подумает? Или ему просто уже не будет о чем думать?

И так я успел «мотнуться», – после общения с наместником, – на наш базовый остров и поменять корабль. Взяли крупнотоннажный автоматизированный грузовой корабль с автоматической погрузкой и дронами. Попутно – уже в пути – мы с дамами поменяли и наш облик на совершенно другой. Первая Дама стала чопорной учётчицей, я стал великосветским дворянином, – документы на груз ведь были выписаны на герцога Коэн. Кто это такой, – я и не знаю толком, и эта фамилия первая пришла мне на ум, когда я лихорадочно выписывал бумагу, в опасении, что наместник сейчас заснёт до того, как её подпишет. Наверно, еврей какой-то...

Да, я стал бородатым великосветским Коэном, Первая Леди управляющей и регистратором, дамочки, переодетые в костюмы местных грузчиков, стали операторами погрузки. Ну, иногда и грузчиками, если дело происходило на глазах посторонних. Я и Лика на погрузку никого посторонних не допускали.

Тяжело стало в тот момент, когда к нам начали вести рабынь. Это были молодые девушки и девочки разных местных племён, проданные в рабство за долги дочери местных торговцев и горожан. Да и крестьян тоже. В большинстве своём рабы-мужчины и не презентабельные рабы-женщины широко использовались в местном хозяйстве, на плантациях, на дорожных работах, в каменоломнях, карьерах. Да в той же золото- и алмазодобывающей отрасли в качестве простого неквалифицированного работника. «Бери больше, кидай дальше» – за тарелку пустого супа и обильные плети. А тех рабынь, кто несколько милостивее среднестатистических особ, намеревались транспортировать в столицу, где их потом будут продавать в служанки (и это было бы лучшей судьбой) и бордели. Хотя служанки-рабыни тоже часто выполняли в домах ту же функцию, что и в борделе. И использовать их там негласно за ту же тарелку супа и обилие плетей. Лика вопросительно посмотрела на меня странным взглядом, когда привели первую группу, и я не решился отказаться от их погрузки. Правда, предполагая и такую ситуацию, на этом большом транспортном судне я провёл некоторое изменение, и построил что-то типа тюремных клеток. Первоначально я думал грузить туда произведения искусства, чтобы не повредить их при транспортировке соседними грузами. Но первыми прибыли рабыни. И мне пришлось срочно менять планы и грузить рабынь в эти клетки. (Надо будет потом их подробно и предметно подвергнуть осмотру и инспекции на предмет заболеваний. И вообще...)

Произведения искусства свозились в хранилища из местных храмов, далёких музеев, просто изготовленные местными умельцами и оценённые до такой степени, что их можно продать в столице лучше, чем на местном рынке. Картины, статуэтки, иконы, изделия из серебра, золота – с камнями и без, – поделки из высококачественного рога местных животных, оружие

ручной работы с инкрустацией и бриллиантами и многое другое. Благо, их хоть упаковывали качественнее ещё на складах, готовя к дальней транспортировке.

От украшений из перьев и ракушек я отказался, хотя они имели хорошее хождение в столице. Но с головой выдавали происхождение товара. Вот слиток золота или не огранённый алмаз не кричал во все глаза о том, где его родина, а перо экзотической птицы сразу же видно и понятно знатоку.

Настало время фруктов, продуктов длительного хранения, специй, – ну, словом, вкусовых. Лика то и дело что-то жевала, пробуя из доставленных корзин и коробок. А вот вина в бочонках она не дала мне даже попробовать, и сказала, что для этого будет достаточно времени, – сам знаешь где!... Долголежащие с толстой скорлупой яйца, да ещё в подготовленном для этого охлаждённом хранилище, могли конкурировать с фруктами по срокам их хранения. Так что мы, даже и не задумываясь, грузили всё, что нам приносили.

Подвода, КПП, причал около борта, большая простая лебёдка на борту корабля, – вот то, что могли видеть случайные зрители или специальные соглядатаи снаружи до того момента, как груз поднимали на борт. Потом он проходил стену камуфляжа голограммы и терялся снаружи из вида. Но при этом не останавливался, а ускорял своё движение в предназначенное ему место.

Ну, кажется всё погрузили. Место, конечно же, ещё осталось в трюме, но не будем жадничать, – пусть королевскому транспорту хоть громоздкая мебель и платья достанутся (хотя некоторые погрузил для своих дам). Нам хватит пока. Отдать швартовы!

008. История монахинь

– Совсем давно, никто и не помнит когда это было, – рассказала мне Анжелика. – Между двух рек недалеко от морского побережья на возвышении был построен монастырь. Строили его не сразу, а изо дня в день, из года в год десятилетия и столетия подвозили и подтаскивали камни из не далёкой каменоломни и укладывали их в стены. Не знаю, был ли изначально какой-то план его строительства, но этот монастырь постепенно разрастался и вширь, и ввысь.

Конечно, изначально были вырыты несколько землянок на склоне, в которых жили первые монахини. Кем они были, – никто не знает ни их имён, ни происхождения. Только пустые надгробные камни остались на кладбище. Но точно трудолюбивые. Ведь они успевали и хлеб выращивать, и службу стоять, и с прихожанами в церкви работать, и монастырь строить.

Изначальные его размеры можно определить по размеру двориков внутри самого строения. Сначала были построены и огорожены невысоким каменной оградой несколько домов, потом этого места стало мало и его расширили вкруговую. Теперь начали строить сначала ограду, возможно, уже наметив соответствующий план строительства. Были построены трехэтажные каменные дома, где расположились кельи и столовые. Однако людей прибыло больше, и потребовалось больше хозяйственных построек: складов, конюшен, хлевов, других помещений. Пришлось снова строить новую круговую ограду, и снова возить и носить камни из каменоломни.

Предполагаю, что и эти камни в каменоломне тоже добывали монашки. Но история этого уже не сохранила. Ну не покупали же, на самом-то деле.

На берегу обеих рек были построены лодочные пристани, в монастырь проложены булыжные мостовые. На одной пристани была даже построена верфь. Следующее увеличение территории монастыря было знаменательным. Каменная ограда строилась уже не просто вокруг монастыря, а поперек того прохода, что был между двух рек, – две почти параллельные стены, ограждающие часть пространства междуречья. И разводные мосты через обе реки ниже монастыря по течению, почти у самого моря.

На морском берегу вырос порт, который со временем стал принимать торговые и военные корабли. Между портом и оградой монастыря появилась торговая площадь с доками и складами. Порт стал удачной стоянкой для кораблей, следовавших по уже сложившемуся морскому пути.

Между мостами перед воротами монастыря, – почти в центре торговой площади, – встала большая красивая белая церковь, которая стала не только достопримечательностью всей округи, но и самой большой церковью побережья, – как по своим размерам, так и по количеству прихожан из ближайших селений. Да и как было не идти молиться в эту церковь, если её настоятелем была монахиня, а не монах. И моления вела она, и обряды проводила вместе со своими монашками и послушницами тоже она. Учитывая тот факт, что женщины были основным населением, – мужчины или воевали, или подавались на заработки, – то и ходить им было сподручнее в церковь женского монастыря. В женскую церковь. И монастырь стал расцветать не только благодаря собственному производству и торговле, но и благодаря прихожанам. Большую прибыль церковь стала приносить тогда, когда в порт стали заходить суда из далёких городов и стран. Золотом оплачивали купцы молитвы настоятельницы за сохранность в пути их кораблей и грузов, за прикосновение к мощам святой Гертруды, за моление и коленопреклонение перед известнейшей уже иконой Матери Божьей Одигитрии (Путеводительницы).

По берегам рек благодаря порту стали расти поселения, люди которых производили много товаров на продажу. Развивалась добыча мрамора, производства железа и железных изделий, вина, древесины и мебели, посуды, сукна и много другого.

Стены монастыря стали увеличивать ввысь, строить их с расчётом того, что эти помещения, возможно, придётся защищать от внешнего врага. Расчёт шёл на то, что враги придут со стороны реки или между рек. И тогда будут защищать несколько стен, – наружные и внутренние.

Для защиты себя и прихожан от возможных врагов, – а их становилось всё больше и больше, – стали готовиться и сами монахини. Стали проводить сначала физкультурные тренировки с ножами, потом с копьём, – ну а в конечном итоге со всеми видами доступного оружия. Из числа монахинь стали выделяться охранные отряды, которые уже в совершенстве стали владеть искусством боя. Однако монастырю не по закону было иметь свои запасы оружия, – так они его и не имели. Только личное. Только у членов отряда. Иногда их просили старосты местных поселений помочь справиться со свирепствовавшими в округе бандами грабителей, с чем отряд и справлялся.

Однажды, когда отряд вот так же вышел на помощь какому-то дальнему селу, в монастырь вошёл абсолютно официально другой отряд, – правительственных войск, – и вырезал всех найденных в нем обитателей. Богатый монастырь с плодородными землями, крепким хозяйством, богатыми складами, развитыми мастерскими и известной церковью стал имуществом короны. А потом был подарен какому-то графу, тот проиграл его в карты герцогу... Словом...

Но ещё раньше вернувшийся отряд не смог войти в собственные запертые ворота, потому что на стенах стояли вооружённые до зубов солдаты короля. Они ничего не понимали. Это потом монахиням рассказали, что и настоятельница, и их сестры были зверски убиты, – и это лучшее из того, что они перенесли от чувствовавших свою безнаказанность солдат и командиров карательного подразделения. Пущенные от обиды и отчаяния точно в часовых стрелы ничего не решили, но поставили отряд монашек вне закона. И им пришлось уйти в горы и затаиться там.

Трудно сказать, сколько бы времени им пришлось ещё скитаться без крова и пристанища, если бы одна из служанок не принесла известие о том, что какой-то капитан набирает команду на новый корабль, но все боятся туда идти. Это был их шанс, и они его использовали, пойдя в баре к капитану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.